

Бендер, Ида Доминиковна

(18 июня 1922 – 12 ноября 2012) – российская немка, журналист и автор книг, член Союза Писателей Германии (Verband deutscher Schriftsteller - VS). Родилась в селе Ротгаммель (Rothammel) на Нижней Волге в семье учителя. После окончания в 1940 году Немецкой Образцовой школы №10 г. Энгельса последовала учеба в Первом Ленинградском педагогическом институте иностранных языков. В

сентябре 1941-го депортирована в Красноярский край, в июне 1942-го – мобилизована в трудовую армию на рыбный промысел в Туруханский район. Была рыбаком, лесорубом, бурлаком, учителем начальной школы.

С 1948 года с семьей жила под надзором спецкомендатуры на северном Урале. С открытием в 1965-ом году в г. Целинограде (ныне Астана) республиканской немецкоязычной газеты «Фройндшафт» („Freundschaft“) – переводчик и литературный сотрудник редакции.

В 1973 году семья Бендер переезжает на Волгу, в г. Камышин. Совместно с отцом, Домиником Гольманом и зав. отделом литературы центральной газеты «Нойес лебен» („Neues Leben“) Виктором Гердтом организует первое в послевоенный период своеобразное культурное объединение российских немцев в СССР – «Клуб читателей газеты „Нойес лебен“» – и становится первым его председателем.

Всю свою жизнь Ида Бендер неустанно боролась за сохранение родного языка и культуры российских немцев, за восстановление их государственного образования – немецкой республики на Волге. С 1991 года Бендер жила в Германии (Гамбург). Здесь продол-

жала активную деятельность: выступала в университетах, Клубе Львов, церковных общинах и отделениях Красного Креста с лекциями и докладами по истории российских немцев.

Ее главный труд – биографический роман „Schön ist die Jugend... bei frohen Zeiten (русский вариант – «Сага о немцах моих российских»), в котором на примере ее предков и ее семьи описана история российских немцев с момента поселения первых колонистов на Нижней Волге во второй половине XVIII века и до возвращения их потомков в седьмом, восьмом и девятом поколениях в Германию в 1991 году. Эта книга, по мнению читателей, является своеобразной хроникой российских немцев.

Представленный в альманахе перевод ее рассказа «Ночь» („Nacht“) был опубликован на немецком языке в антологии победителей литературного конкурса «Первая Брюгенская литературная осень» (Erste Brüggener Literaturherbst) в Германии.

Рудольф Бендер

Ночь

(Перевод с немецкого)

Серый полярный день становится темнее, постепенно переходя в ночь. Ванька, восемнадцатилетний русский парень, кладет последнее полено на длинную поленницу, засовывает за пояс топор и, не говоря ни слова, идет к узкой тропинке, протоптанной дровосеками в глубоком, по грудь, снегу. Это знак для нас, его бригады, – конец работы. Большими двуручными пилами мы валим лес в девственной сибирской тайге.

Гуськом бредем мы по узкой тропке «домой», в барак, сооруженный на высоком берегу Енисея из круглых бревен специально для привезенных сюда на принудительные работы немецких девчат. Я примыкаю к колонне последней. Молча, только изредка

раздается тихое слово, похожее скорее на вздох, плетемся мы по узкой дорожке. Мы так измождены, что едва можем что-то пролепетать. Только мысль вскоре приглушить ноющий голод дает силы передвигать ноги по тропке, ведущей по краю большого, еще в ноябре вырубленного участка. Белоснежный ковер укрыл все пни и неровности на нем. Слева стоит плотная черная стена из елей и сосен, которые нам еще предстоит валить. Этот лес пойдет будущим летом в топку пароходов, которые повезут вверх и вниз по Енисею пассажиров и продукты из южных районов сюда, в отдаленные редкие поселки у Полярного круга.

Короткий полярный день, когда серое небо только чуть светлеет, но никогда не достигает привычного нам дневного света, быстро переходит в ночь. Вокруг тишина, ни одна веточка не шевельнется. Даже макушки самых высоких деревьев не шелестят в этот вечерний час. Неподвижно, как монументы, стоят стройные ели и сосны. Только изредка с какой-нибудь ветки падает вниз, в белоснежное покрывало под темно-зелеными великанами, ком снега. Уже настолько темно, что поднятое им снежное облако совершенно невидимо. Перед моими глазами всплывает до боли знакомая картина: мы с напарницей Катариной сначала подрубаем топорами ствол векового дерева с одной стороны, потом двуручной пилой подпиливаем его с другой. Великан качается из стороны в сторону, как будто раздумывает, в какую сторону упасть, как будто ищет место с толстым мягким снежным одеялом, и наконец падает, вздымая ввысь облако мельчайшей снежной пыли высотой с дом. Медленно и величественно оседает она на землю. Тысячу раз виданное, но я снова и снова восхищаюсь этим зрелищем. Однако дивиться этому чуду природы времени нет, нам надо быстрее распилить поваленный ствол на чурки по девяносто сантиметров, которые Ванька колет и складывает в длинную поленницу. Мы должны выполнить дневную норму. Кто этого сделать не сможет, получит урезанную порцию хлеба. Маленькие кусочки этого тяжелого влажного «хлеба», испеченного из некондиционных остатков ржи и овса, – наша основная пища. Идет война. Продукты питания строго нормированы и продаются по карточкам. За нами,

депортированными поволжскими немцами, установлен особенно жесткий контроль по выполнению дневного задания.

Я не спешу за другими. Я наслаждаюсь тишиной, спокойствием. В эти минуты я далека от забот, перебранок и небольших стычек, происходящих в течение дня. Я воображаю себя во дворце Снежной Королевы: вокруг меня расстилается огромная снежная равнина. Только изредка видны на ней стоящие поодиночке молодые деревца. Справа, на границе свободного пространства, плотной стеной высятся ели, защищая от холодного ветра со стороны реки.

Ф-р-р-р-р. Испуганные моими шагами, взлетают белые куропатки. Мне жаль их, они уже подготовились ко сну, уютно закопавшись в глубоком снегу.

Между тем, небо становится темно-синим, и от этого нетронутое снежное покрывало вокруг меня кажется особенно светлым. Видны ли сегодня звезды? Я поднимаю голову и ищу знакомые созвездия. От моей бабушки Сусанны я слышала многое о жизни, обычаях наших предков, немецких колонистов на Нижней Волге. В первые годы их жизни в незнакомой стране, когда колонисты из отдаленных деревень везли на базар в большой город на Волге полные телеги мешков с пшеницей, им часто приходилось ночевать в открытой степи. Тогда существовало твердое правило – на ночь телегу разворачивали оглоблями в ту сторону, откуда они ехали, чтобы утром знать, в какую сторону двигаться дальше. Я ищу на темном небосводе Большую Медведицу, «Большую Телегу», как называли созвездие немцы-колонисты. Куда сегодня направлены ее оглобли? На Волгу? В сторону Германии, на город Майнц, откуда 180 лет назад приехали в Россию мои пра-пра-пра-прадеды?

Мороз крепчает, проникает под фуфайку и ватные штаны до самых костей. Я прибавляю шаг. Вот и березка. На рассвете, когда мы, направляясь на наш участок, проходим мимо нее, я люблю ее зимним нарядом. Ее ветви покрыты толстым слоем инея, а мне представляется, что это изящные серебряные украшения.

От березки тропка поворачивает направо и ведет круто вниз к реке, к нагромождению больших и маленьких льдин, еще поздней осенью причудливо смерзшихся друг с другом. Ударом ноги я от-

кальваю кусок льда и, взяв его под мышку, иду мимо «сторожки» надзирателя к нашему бараку. Растопленный в миске на железной печурке лед с добавлением двух ложек рубленого овса и щепотки соли будет моим вечерним супом, а утром – «чай».

Надзиратель стоит у дверей своего сруба и выговаривает мне за то, что ему пришлось чуть дольше ждать меня. Я не отвечаю на его бурчание, молча иду дальше. Вообще-то он не злой. Нашим надсмотрщиком был назначен, когда нас, депортированных немцев, привезли сюда на принудительные работы. Свой небольшой домик он срубил лет 15 назад, когда стал ставить здесь зимой капканы на пушного зверя – полярную лису, соболя, рысь, а летом сети на рыбу, и жил довольно свободно, далеко от начальства. Потом привел себе жену, которая родила ему двух сыновей. Поскольку его хижина стояла недалеко от места, где теперь запланирован дровяной склад с топливом для пароходов, – ему поручили надзор над сосланными сюда врагами народа. Ему нет никакой необходимости стоять возле работающих в лесу женщин. Вокруг такая густая непроходимая тайга, что побег абсолютно невозможен. Это уже пытались делать раньше отпетые уголовники и либо погибали в тайге в лапах дикого зверя, либо, сдавшись, оставляли всякие дальнейшие попытки. От нашего надзирателя получаем мы кусок хлеба, соответствующий выполненной работе. Рано утром он измеряет сложенную за предыдущий день поленницу, подсчитывает, выполнила ли наша бригада дневной план и отмеряет определенное количество хлеба.

В гору мои ноги идут медленнее. Совсем стемнело. Звезды сегодня кажутся такими далекими и такими крохотными, как будто сжались они от трескучего мороза. Или с головой закутались в теплые тулупы и только одним глазком смотрят вниз. Там, на земле, темно. Плотный еловый лес стоит черной стеной вокруг вырубленного участка. Его высокая стена и темный потолок неба – как границы тюремной камеры. Моей камеры. Границы моего жизненного пространства, моей деятельности: только отсюда досюда – и ни шагу дальше! Невозможно поверить, что чуть меньше полугода назад светило мне золотое солнце на голубом небосводе. Я училась в институте иностранных языков и представляла себе свое

светлое будущее. Со знанием многих языков мечтала я изъездить множество стран, познакомиться с их культурой, грезила, как буду наслаждаться их стихами, песнями, произведениями искусства. Сколько интересного ожидало меня.

Но вместо этого я, смертельно усталая, тащусь в сорокаградусный мороз в темноте по узкой лесной тропке к моему убогому ночлегу – к маленькой, четыре на шесть метров, из кругляка сооруженной хижине. Напротив входной двери – небольшое оконце, затянутое инеем и потому пропускающее совсем мало света. Но для нас это не имеет никакого значения: весь световой день мы в лесу и только ночью – в бараке. Вдоль длинных стен сооруженные из тонких стволов деревянные нары, на которых мы спим. Мы – это тридцать поволжских немок и местный паренек Ванька. Только самые элементарные человеческие потребности возможны здесь: протереть лицо и руки снегом – единственная гигиена; утолить жажду можно лишь растопленным снегом, а голод – не поддающейся описанию баландой с куском хлеба.

«Но ведь не хлебом единым жив человек!» – кричит мое сознание и мое сердце. Однако здесь нет ни малейшей возможности для удовлетворения культурных потребностей. Мне хочется читать. Книгу, газету или журнал, хоть клочок бумаги с печатным словом... Хоть что-нибудь!.. О кино, театре или концерте и мечтать не приходится. Или посещение музея! Это было бы что-то! Как три года назад, когда отец взял меня, девятиклассницу, с собой в поездку в Москву и показал знаменитую Третьяковскую галерею. Какая это была радость для меня!.. Как я наслаждалась всемирно известными картинами, а отец рассказывал мне о них столько интересного...

И была среди них «Зима» Шишкина. Точно такой лес, как и здесь. Высокая стена деревьев и серое небо над ним. Белоснежное покрывало скрывает все неровности. Никаких признаков жизни – только нетронутый снег и густой лес... Стоял ли художник тоже когда-то перед такой безнадежной стеной в своей жизни, как и я сейчас? Надзиратель, унижения, клеймо врага народа, скудный рацион, непроницаемый лес установили границы моего существования. Что ждет меня, какое будущее?..

Темнота...

Вечная ночь...

Ни звездочки, ни светлого пятнышка...

Или?

На картине за темным лесом виднеется бледно-желтое пятнышко далекого света. Быть может, и в моей жизни будет просветление? Я смотрю вверх, в темное ночное небо, на такие далекие-е-е-кие звезды, единственный свет здесь и сейчас. Не мне ли они подмигивают? И дарят надежду: не сдаваться! Держаться! Все когда-нибудь кончается: и война, и изгнание.

И ночь.

Перевод: Рудольф Бендер

Рудольф Бендер, 1957 г.р.

В 1980-е годы активный участник движения российских немцев за их полную реабилитацию и восстановление немреспублики. Входил в состав 3-ой, 4-ой, 5-ой делегаций, один из организаторов общества «Возрождение» в Волгоградской области. С ноября 1991 года живет в Германии. Инициатор создания и спикер общества KEdR (Kultur-Erbe der Russlanddeutschen / Культурное наследие российских немцев). Активный пропагандист истории, культуры и литературы российских немцев.